

СЕРДЦЕ ЛИОНА

На открытии Лионской Оперы ДЕЛЛА КУЛИНГ была одета в черное, и с ней то и дело кто-нибудь сталкивался...

После реконструкции в Лионской Опере все в черных тонах, совершенно черных. Если смотреть от расположенной напротив Ратуши, все выглядит вполне хорошо: оригинальный каменный фасад с двумя рядами арок по-прежнему на своем месте; взгляните наверх - изогнувшись, огромная стеклянная полусфера вдвое увеличивает высоту здания.

Согласно, это изобретательный способ удвоить объем здания, которое нет возможности расширить по горизонтали. Но посмотрите вниз, едва войдете под арки: у вас под ногами траурно-черный мраморный пол, которому вторят три зловещие черные колонны в стеклянной стене, отделяющей публику от внутреннего помещения. Примерно за полчаса до подъема занавеса в колоннах плавно раскрываются двери, и публика, разделенная на три части, подобно Галлии Цезаря, вливается вовнутрь, где царит почти полная тьма - архитектор Жан Нувель проявил здесь незаурядное мастерство, если учесть количество стекла на фасаде и по боковым сторонам здания. Стены, полы и потолки совершенно черные, освещение минимальное.

Капельдинеры (одетые, конечно же, в черное, в красных рубашках) ведут вас по узким эскалаторам к металлическим переходам, которые кажутся не толще, чем банка "Уискас"; они тревожно гремят под вашими ногами, и в них щедро проделаны отверстия, чтобы вы могли ясно видеть, если осмелитесь посмотреть вниз, как глубоко вам падать - и на кого вы упадете. (Признаюсь, на обратном пути мне просто становилось страшно на этих непрочных на вид переходах среди крайне медленно двигающейся толпы, протискивавшейся на тесные эскалаторы.)

В небольших фойе между переходами и зрительным залом обитые ярко-красной тканью стены и красные ковры - создается впечатление, что вы попали в преисподнюю. В зрительном зале так темно, что капельдинеры проводят вас к вашим местам с фонариком в руке, словно билетеры в кино. Вдоль спинки кресел по всей длине рядов тянутся металлические трубки, в которых напротив каждого места горят небольшие желтые огоньки, и это - единственное освещение, не считая света, который отбрасывает мерцающий золотистый занавес. Ни в одном из шести неглубоких ярусов, расположенных далеко от сцены, совершенно невозможно прочесть программку, и даже в партере это нелегко.

В зрительном зале темно везде. Злые языки говорят, что все это - проявление лести в адрес напыщенного мэра Лиона, Мишеля Нуара. Если это так, я лично горько сожалею, что его зовут не Мишель Блан ("нуар" - по-французски - черный, "блан" - белый - прим. пер.). Единственная отдушина - расположенный за партером буфет, который отреставрирован в прежнем виде - позолота и лепнина, но лишь обладатели мест в партере имеют к нему прямой доступ, остальные должны пускаться в рискованное путешествие по хлипким переходам и эскалаторам.

В новом театре теперь в общей сложности 18 уровней, шесть из которых подземные - объем втрое больше старого здания. На - 2-м уровне (да, минус вторым, он под землей) находится так называемый амфитеатр - зал на 200 мест для сольных концертов и т.п., сиденья расположены в нем полукругом подобно Римскому амфитеатру в Лионе. Все, конечно же, черного цвета, в пол вмонтированы редкие светильники-иллюминаторы. Под землей размещаются репетиционные залы для хора, студии, а также помещения размером с главную сцену, связанное с ней расположенным рядом мощным лифтом, в котором может поместиться мебельный склад, - так что репетиции спектакля и монтаж декораций могут продолжаться, когда главная сцена занята чем-либо другим.

На самом верху, под сводом, расположен огромный репетиционный зал для балета и еще один, поменьше, немного ниже. Архитектор Жан Нувель нашел изобретательные решения всех функциональных проблем, и стеклянный свод выглядит вполне приятно - зачем только он погрузил публику в темноту... Кстати, не наряжайтесь, когда вы идете в Лионскую Оперу. Не говоря о том, что ваш праздничный наряд никто не увидит, сами лионцы этим себя не утруждают.

Первую оперу - "Фаэтон" Люлли - Лион увидел три века назад, в 1688 году, в помещении крытого теннисного корта на улице Пизе, недалеко от современного здания театра. Начинателем этого предприятия был молодой парижский музыкант Жан-Пьер Леге, и он был, как водится, вознагражден: через полгода представлений "Фаэтона" лионцы устали от оперы, годом позже зал сгорел, и Леге разорился.

Лионская Опера существовала от кризиса к кризису: ее второе помещение на площади Белькур обрушилось в 1711 году во время наводнения, зал в

Доме Губернатора дважды горел, "временное" пребывание в помещении другого теннисного корта затянулось на 30 лет. Кроме природных катастроф, основателям лионской оперы приходилось бороться с худшими врагами - безразличием и скупостью публики, предпочитавшей балы, дрессированных собак и фокусников. Наконец, в 1756 году на нынешнем месте, за Ратушей, открылся специально построенный театр, ставший первым подходящим помещением для постановок пьес и опер. После превратностей Революции в 1831 году было окончательно построено здание, ныне служащее "футляром" для современного здания театра. Что важнее, в Лионе к тому времени было уже несколько театров, но несмотря на это опере все еще время от времени приходилось делить подмостки с драматическим театром. Продолжались денежные затруднения, и лишь в 1886 году здание было полностью завершено в соответствии с проектом. Как можно было ожидать, оперное "меню" оказалось в основном французским, Вагнер был открыт лишь в конце 19 века, и любая опера, исполнявшаяся не на французском языке, встречала значительное сопротивление. Однако к середине прошлого века Лион окончательно вошел в оперный мир, в 1845 году Берлиоз приехал сюда дирижировать на своем собственном фестивале, позднее здесь пели Мельба, Патти и другие знаменитости. Основной проблемой оставалось привлечение публики, и решена она, похоже, только теперь.

В 1969 году возглавивший театр Луи Эрло собрал энергичную команду. С тех пор лионцы приблизились к отнюдь не традиционной опере: Яначек, Берг, Рихард Штраус. Появилась преданная и разборчивая публика, у которой есть теперь оперный театр, который она заслуживает. Последние шесть лет он был закрыт на полную реконструкцию, спектакли тем временем переезжали с места на место.

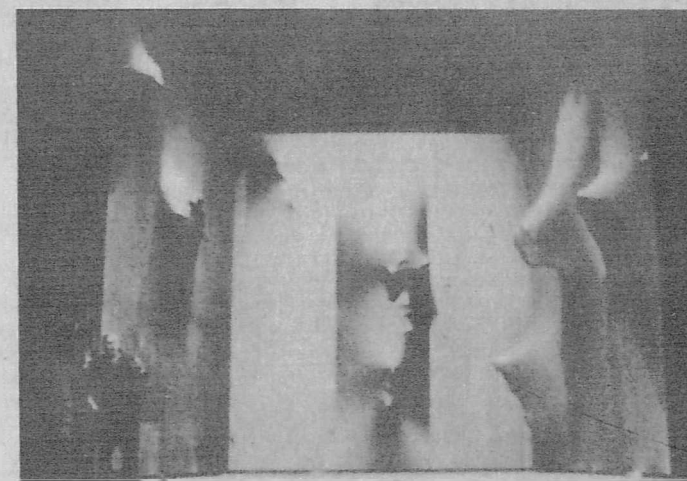
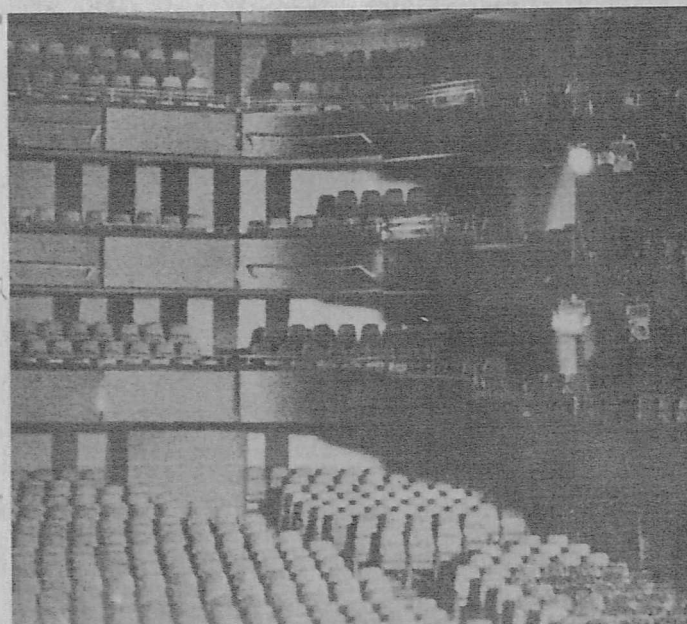
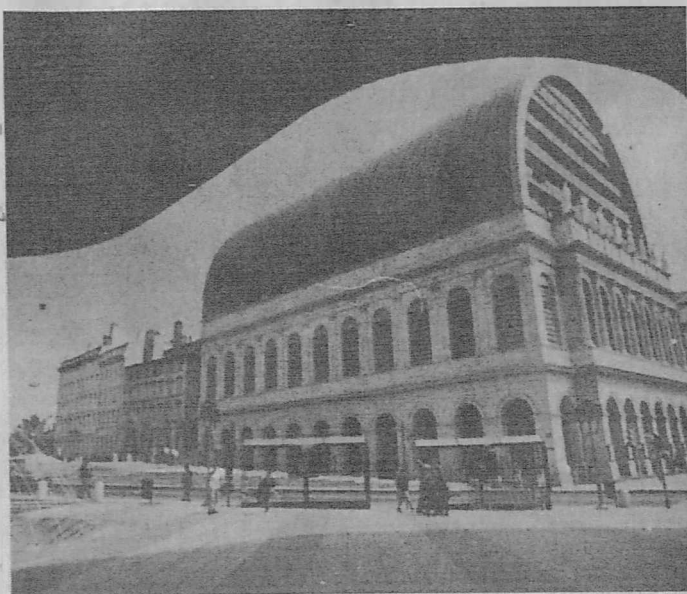
Работая в основном в тандеме с "Эрато" и "Радио-Франс", Лионская Опера регулярно выпускает записи с участием первоклассных артистов (в их числе, конечно же, Кент Нагано в качестве главного дирижера). Здесь царит атмосфера динамики и предприимчивости, предвещающая надежное будущее. Молодые певцы (некоторые из которых заняты в небольших ролях) и дети занимаются в "Лирической мастерской", которая ставит в малом амфитеатре свои собственные спектакли.

перед Гофманом его любовные истории. Девушка (Натали Дессе) становится Олимпией и разыгрывается невыносимая сцена (главная ария Олимпии): с нее снимают протезы, она начинает ходить, и в конце Линддорф сбивает ее с ног. Я не видела другой постановки этой оперы, где зло было бы изображено со столь поразительной силой, а у такого прекрасного актера, как Жозе ван Дам, зло тем более отчетливо. В своей первой неуверенной радости Олимпия порхает от пациента к пациенту, ласкает их, хочет, чтобы они разделили ее с ней. В конце она подходит к Линддорфу, тот смотрит в сторону, едва сдерживая ярость. Когда она касается его, тот словно поражен электрическим током: он не умеет обращаться с радостью и любовью.

В этом - пронзительно-гуманистическое видение. Гофмана (великолепный молодой актер Даниель Гальвес-Вальехо - Эрло повезло с составом), подобно Отелло, преследует проклятие - враждебный злодей (его альтер эго), и в конце оперы он вновь один на пустой сцене стоит на колоннах (с мертвой?) Стеллой на руках, сломленный, бессмысленно бормоча: "Клик-кляк, клик-кляк..." - и наступает темнота.

Барбара Хендрикс в роли Антонии поет хорошо, но в драматическом плане это слабое звено. Изабель Верне - меццесопрано и Джульетта - в этой сложной роли добивается прекрасного результата. Работа Кента Нагано, как всегда, безупречна.

Первой оперой, поставленной в 1688 году в первом лионском оперном театре (недалеко от современного), был "Фаэтон" Люлли, поэтому казалось вполне подходящим для открытия новой Оперы сделать новую ее постановку.

Хорошая идея, но постановка режиссера и хореографа Карин Сапорта - неудоволимое смешение стилизованного 17 века и современности, к тому же ужасные костюмы, и все это выливается в очень скучные два с половиной часа, несмотря на хорошее пение - особо отметим Ховарда Кука, который похож на Майкла Джексона в своем кудрявом парике и тесном бархатном жакете с длинными отворотами.

На снимках: Лионская Опера снаружи и внутри: сцены из спектаклей "Фаэтон" и "Сказки Гофмана".
Тексты из журнала "Опера Нау" перевел Юлиан ТИССЕН

И был там стеклянный свод, напоминающий обсерваторию, вращающиеся декорации, висящие на кольцах танцоры и прочие чудеса, вызывавшие у публики странное хихиканье, но, безусловно, самое интересное происходило в оркестровой яме под дирижерской палочкой Кента Нагано.

ПРЕМЬЕРЫ ЛИОНСКОЙ ОПЕРЫ

"Родриго и Химена" Дебюсси - премьера 14 мая 1993 года

"Сказки Гофмана" Оффенбаха - премьера 15 мая 1993 года

"Фаэтон" Люлли - премьера 20 мая 1993 года

Смелое решение открыть лионский Оперный театр постановкой "потерянной" оперы Дебюсси "Родриго и Химена", если судить заочно, вполне отвечает смелости архитектуры нового здания. Эта опера была начата 28-летним Дебюсси в 1890 году и окончательно оставлена им в 1893 году.

Когда Лион выбрал ее для открытия новой Оперы, то, чтобы заполнить пробелы, был приглашен русский композитор Эдисон Денисов, делавший оркестровки на основе клавира Дебюсси.

К 1890 году Дебюсси дважды побывал в Байрейте, и это ощущается. Автор либретто "Родриго и Химены", поэт-драматург-романист-либреттист и по денщик-универсал Катюль Мендес был страстным вагнерианцем, но, несмотря на это, его либретто выглядит плохой стилизацией раннего Верди. Более того, Дебюсси и Мендес постоянно оказывают себе медвежью услугу, создавая сцены, напоминающие другие оперы и навевающие отнюдь не лестные сравнения. Один пример: когда Химена находит своего умирающего отца, невольно возникает в памяти Лонна Анна...

По воле постановщика Жана Лаводана хор и главные действующие лица совершенно бесцельно передвигаются по огромному изогнутому ущелью - и это почти все декорации (художник - Жан-Пьер Вержье, он же автор костюмов).

Костюмы Вержье - странная смесь шестнадцатого века и гофрирован-

ных юбок, странная, потому что действие происходит в одиннадцатом веке. Видно их, правда, не очень ясно, поскольку на всем протяжении спектакля преобладает мрак, за исключением короткой сцены, когда с молниеносной быстротой восходит солнце и все женщины, надев темные очки, ложатся позаторать на склонах ущелья.

Кент Нагано, как обычно, добивается лучшего, на что способен его оркестр. Тем не менее, не стоит ради этого ехать в Лион, если только вы не сходите с ума по Дебюсси.

Ради чего определенно стоит ехать в Лион - это "Сказки Гофмана" в постановке Луи Эрло, административного директора лионской Оперы и фестивалера в Экс-ан-Провансе. В этой поразительной постановке Эрло перенес действие в сумасшедший дом - страну снов, он достаточно вольно обошелся с партитурой и создал напряженную драму, продолжающуюся два часа без антракта.

Хор не появляется на сцене в течение всего спектакля. Когда поднимается занавес, мы слышим, как он возносит хвалу пиву, в то время как Линддорф (Жозе ван Дам) и Франц (Жак Вержье) избивают Гофмана и оставляют его лежать в агонии. Франц - из эпизода с Антонией - превратился здесь в мерзкого вездесущего сообщника Линддорфа в различных его воплощениях.

Несчастные обитатели сумасшедшего дома продолжают жить своей жизнью, в том числе молодая девушка-калека с ножными протезами, которую возят, сгорбленную, в коляске. Спаланцани (Габриель Бакье), добродушный доктор, гордо демонстрирует, как он вылечил девушку, и тут (или это лишь снится Гофману?) обитатели дома начинают воскрешать

Октябрь 1993